

Нъ вопросу о второбрачїи клириковъ.¹⁾

По ученію православїа въ Церкви, помимо всеобщаго духовнаго священства вѣрующихъ, есть особое таинственное, общественное іерархическое священство, на которое уполномочены лишь нѣкоторые, выдѣленные изъ среды прочихъ, ея члены. Это выдѣленіе объективно осуществляется черезъ хиротонїю, но объективное выдѣленіе черезъ хиротонїю связано съ выдѣленіемъ субъективнымъ—извѣстными качествами, коими долженъ обладать кандидатъ священства. „Жизнь священника должна преимуществовать также, какъ преимуществуетъ благодать“, говоритъ Св. Амвросій²⁾. „Призваніе священника столь высоко, развиваетъ ту же мысль св. Левъ Великій, что имъ недозволено даже то, что не считается виной для другихъ членовъ церкви“³⁾. Въ числѣ этихъ спеціальныхъ нравственныхъ требованій отъ духовныхъ лицъ особенно важное мѣсто занимаютъ требованія, касающіяся ихъ брака. Особенная важность эта обусловливается тѣмъ, что бракъ является не только фактомъ нравственнаго порядка, но и внѣшнимъ правовымъ институтомъ, вслѣдствіе чего нравственная жизнь, вообще трудно поддающаяся учету, здѣсь получаетъ вполне конкретное опредѣленное и для

¹⁾ Рѣчь, сказанная предъ защитою диссертаци: „Второбрачїе клириковъ. Историко каноническое изслѣдованіе, С.-Петербургъ, 1912.

²⁾ *Debet praeponderare [vita sacerdoti, sicut praeponderat gratia* Mg. 16, 1206.

³⁾ *Sacerdotum tam excellens est electio, ut haec, quae in aliis ecclesiae membris non vocantur ad culpam, in illis tamen habeantur illicita.* Mg, 54, 672.

всѣхъ ясное выраженіе и брачныя отношенія клирика и являются главнымъ внѣшнимъ показателемъ, своего рода символомъ нравственнаго достоинства извѣстнаго лица, а потому и правоспособности въ качествѣ члена клира. Специальныя брачныя требованія отъ клириковъ выражены въ Св. Писаніи въ краткой и точной формулѣ „единныя жены мужъ“, трижды повторенной въ пасхырскихъ посланіяхъ, въ отношеніи всѣхъ трехъ степеней священства. Анализъ апостольской формулы и самой по себѣ и въ связи съ параллельными мѣстами Св. Писанія, также какъ изначальное, повсемѣстное и всеобщее церковное преданіе, говорятъ намъ, что смыслъ этой апостольской формулы заключается въ запрещеніи второбрачія во всѣхъ его видахъ, каковое такимъ образомъ и является по церковному ученію постоянною рѣзкою чертою, отдѣляющей священство отъ мірянъ и отдѣляющей его еще тогда, когда первое ни по одеждѣ ни по образу жизни не различалось отъ послѣднихъ. Памятники церковнаго учительства не только говорятъ о безусловномъ запрещеніи второбрачія священнослужителямъ, но выясняютъ и его мотивы, его смыслъ. Они говорятъ, что по христіанскому ученію, бракъ по своей природѣ единъ, какъ едино рожденіе и единая смерть, что нормаленъ только единый дѣвственный бракъ (ὁ ἄβιος καὶ παρθενικός γάμος), такъ какъ Богъ сотворилъ только одного мужа и одну жену и такъ какъ онъ служитъ символомъ союза Единого Христа съ единой Церковью. Второй же бракъ дозволителенъ лишь въ крайности, лишь какъ средство для избѣжанія худшаго; лишь какъ уступка требованіямъ плоти, уступка иногда необходимая для тѣхъ, у кого не всегда духъ господствуетъ надъ плотью, для невоздержныхъ. Итакъ не всѣ въ силахъ возвыситься до нормы, но всѣ обязаны признавать обязательность нормы и стремиться къ ея достиженію. Въ противномъ случаѣ извращеніе брачной жизни, къ которому такъ склонна природа падшаго человѣка, неизбежно. Нравственную жизнь падшаго

Человѣка можно сравнить съ кораблемъ, который всегда нѣсколько уклоняется отъ намѣченнаго пути, отъ указаній компаса и тѣмъ не менѣе можетъ достигнуть намѣченной цѣли, но если самый компасъ будетъ не вѣренъ, то въ свою гавань корабль не прибудетъ.

Но живымъ компасомъ, живой нормой, типомъ (Тит. 1, 7; 1 Тим. 9, 12) для вѣрныхъ, по выраженію апостола, и долженъ быть священнослужитель, въ частности и въ своей брачной жизни. Если церковь не требуетъ безбрачія отъ приходскаго духовенства, то вовсе не потому, что она какъ бы мирится съ неполной отдачей себя пастыря на служеніе наставѣ, а потому, что она хочетъ видѣть въ брачной жизни пастыря постоянную, живую, наглядную, а потому и весьма цѣлостную проповѣдь о нормальной брачной жизни, каковой является лишь строгое единобрачіе. „Какимъ образомъ можетъ убѣждать вдову сохранять вѣрность мужу, пишетъ св. Амвросій, тотъ, кто самъ не сохранилъ ее по отношенію къ первой женѣ?“ Второбрачный священнослужитель былъ бы солью обуявшей, годной лишь на то, „да изсыпана будетъ вонъ и попираема челоуѣки“ (Мѣ. 5, 13).

Значеніе такой живой проповѣди для людей жизни гораздо больше, чѣмъ то могутъ представить люди книги. Въ зеркалѣ народной души, въ народныхъ поговоркахъ, вообще на шатающихся слабыхъ сторонахъ духовенства, брачная жизнь духовенства всегда выступаетъ въ нѣкоторомъ ореолѣ, въ силу обязательности единобрачія. „Одна у копа жена, да и та послѣдняя“, а потому идеаль для женщины—это „житье, что попадѣ за попомъ“. Иностранцы, посѣщавшіе Россію, не жалѣли темныхъ красокъ въ описаніи нашего древняго мѣта вообще, и, не безъ вліянія мотивовъ конфессіональных, мѣта духовенства въ особенности, но и они съ удивленіемъ и съ уваженіемъ отзывались объ образцовой семейной жизни нашего духовенства. Характерно, что протестантскіе путешественники по Россіи XVI—XVII вѣковъ, защищая раз-

рѣшеніе второбрачія протестантскому духовенству, въ томъ время скрѣпя сердце признають, что образцовая семейная жизнь духовенства въ Россіи объясняется именно его единымъ брачїемъ. Запрещеніе второбрачія, пишетъ въ 1591 годъ авторъ наиболѣе рѣзкой, и потому даже одно время запрещенной у насъ монографіи о Россіи, Флетчеръ, весьма благоприятно отражалось на семейной жизни духовенства, такъ какъ мужья, зная, что имъ запрещено жениться второй разъ, являются болѣе внимательными къ своимъ женамъ, и оказываютъ имъ большее уваженіе, нежели какъ это было въ другихъ сословіяхъ. Жены священниковъ въ народѣ пользовались большимъ уваженіемъ, подобно римскимъ матронамъ⁴. Тоже повторяетъ въ 1716 году Шерри²). „Когда проходитъ священникъ со своей женой, пишетъ въ 1678 году Таннеръ, то послѣднюю всегда можно было видѣть въ нарядномъ уборѣ, и это зависѣло отъ того, что такъ какъ священнику запрещено было жениться второй разъ подѣ угрозой лишенія сана, то все вниманіе было направлено къ тому, чтобы удовлетить всякому желанію жены“³). А англичанинъ Коллинсъ жившій въ Москвѣ въ серединѣ XVII вѣка, дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что жены священниковъ, какъ и самъ священники, у насъ носятъ особые знаки отличія по обоимъ сторонамъ груди, состоящія изъ цвѣтныхъ лентъ⁴). И если придать вѣру этому, нужно сказать, стоящему нѣскольکو одиноко свидѣтельству, и сопоставить его съ позднѣйшею греческой практикой и особенно со свидѣтельствомъ Гоара женахъ священниковъ, исполнявшихъ у грековъ обязанности діаконисъ, то мы придемъ къ выводу, что и въ древней Руси жены священниковъ занимали особенно почетное положеніе въ приходѣ, что стояло въ зависимости отъ ихъ ед-

¹) Изд. 3-е, Спб. 1906, стр. 97, стр. 110.

²) Чт. О. Л. И. Др. 1871, II, 148—149.

³) Ibid. 1891, III, 104.

⁴) Ibid. 1848, I, 2.

добрачія. Окружая особымъ ореоломъ единобрачіе, какъ священнослужителей, такъ и ихъ женъ, народное сознаніе въ то же время съ неодобреніемъ относилось ко второму браку не только снзавшихъ санъ священниковъ, но и ихъ женовъ. Древнія грамоты свидѣтельствуютъ, что не рѣдко прихожане сами изгоняли вступившихъ во второй бракъ священниковъ и древне-русскимъ іерархамъ, напр. митрополиту Киприану, митрополиту Фотію, Іонѣ, архиепископу Новгородскому, приходилось выяснять своимъ пасомымъ, что это дѣло не ихъ, а церковной власти.

Вслѣдствіе такого вліянія на народное сознаніе, запрещеніе второбрачія клирикамъ имѣетъ громадное значеніе не только для церкви, но и для государства. Это прекрасно понималъ величайшій законодатель Византіи — Юстиніанъ Великій, видѣвшій, по словамъ Дила, въ безупречности семейной жизни священнослужителей залогъ государственнаго благополучія и потому издавшій цѣлый рядъ опредѣленій, направленныхъ къ охраненію чистоты брачной жизни духовенства. Тоже думали и тоже дѣлали многіе его преемники. И такой взглядъ имѣетъ для себя глубокія основанія. Благополучіе государства и общества зависятъ главнымъ образомъ, если не всецѣло, отъ строгости жизни семейной, и даже малѣйшія уклоненія отъ правдльнаго взгляда на бракъ въ народномъ сознаніи имѣютъ гораздо большее значеніе для судьбы народовъ и государствъ, чѣмъ стихійныя бѣдствія и крупнѣйшія политическія событія. Поэтому та непрестанная проповѣдь истиннаго ученія о бракѣ, каковою является обязательное единобрачіе духовенства у православныхъ народовъ, является залогомъ ихъ жизненности и будущаго величія. Здѣсь быть можетъ коренится одна изъ причинъ того удивительнаго факта, что политическую самостоятельность среди славянскихъ народовъ сохранили лишь народы православные, у которыхъ жива эта проповѣдь, тогда какъ всѣ инославные славяне ея не имѣютъ. И наоборотъ знаменательно, что аги-

тація противъ запрещенія второбрачія священнослужителями идетъ всего сильнѣе у православныхъ, политическую новизнѣе потерѣвшихъ. Въ этомъ отношеніи православный міръ имѣетъ нѣчто общее съ древнимъ Римомъ въ эпоху роста его могущества. Вдумчивые историки объясняютъ значеніе Рима главнымъ образомъ строгостью семейной жизни, вытекавшей изъ возвышеннаго ученія о бракѣ. Дрѣвнѣйшія формы брака у римлянъ, брака черезъ *confarreatio* есть наиболѣе чистая форма первобытнаго откровеннаго ученія о бракѣ, сохранившемся у римлянъ лучше, чѣмъ гдѣ либо въ дохристіанскомъ мірѣ. Одновременно съ забвеніемъ этого ученія шло и паденіе Рима, и тщетно болѣе проникательные римскіе патріоты, начиная съ Тиверія, пытались искусственными мѣрами возродить его, а чрезъ это и задѣять начавшееся паденіе Рима. Но возродить его могли лишь христіанство. Отсюда не слѣдуетъ, что христіанское ученіе о строгой моногаміи, какъ единственно нормальной формѣ брака, заимствовано у дохристіанскаго міра, та же какъ изъ того факта, что въ христіанскомъ ученіи мало можно найти положеній, встрѣчавшихся и въ іудействѣ и въ эллинизмѣ, не слѣдуетъ еще, что христіанство бы синтезомъ іудейства и эллинизма. Нѣтъ, христіанство— синтезъ старыхъ ученій, а новая, богодарованная падшему человечеству сила и, какъ намагниченное желѣзо изъ кузнородныхъ элементовъ извлекаетъ лишь желѣзо, такъ христіанство извлекло изъ дохристіанскаго міра лишь среднее ему, извлекло всѣ тѣ разрозненные осколки образа Божія въ человѣкѣ, всѣ остатки первобытной истинной религіи, которыя были тамъ и здѣсь вкраплены во тьму языческаго суевѣрія и въ частности, и тѣ брачныя правовыя формулы, которыя сохранились у римлянъ, какъ отголосокъ чистаго первобытнаго откровеннаго ученія о бракѣ. Римъ, такимъ образомъ, служилъ лишь передаточной инстанціей. Вотъ почему бракъ первыхъ христіанъ былъ церковнымъ

тайнствомъ и въ то же время, по римской терминологіи, бракомъ *per consanfarredtionem*, и связанный съ такимъ бракомъ терминъ „*univira*“ нашелъ себѣ широкое приложеніе въ древнехристіанской письменности, начиная съ пастырскихъ посланій. Вотъ почему римское опредѣленіе брака, какъ „*consortium omnis vitae divini et humani iuris communicatio*“, попало въ источники дѣйствующаго права въ церкви. Но если въ язычествѣ ученіе о строгомъ единобрачїи было лишь отдаленнымъ отголоскомъ древнѣйшихъ временъ, не находившимъ себѣ опоры въ наличной дѣйствительности, въ ученіи язычества, и потому постепенно замершимъ, то въ христіанствѣ оно нашло себѣ непоколебимую опору въ его догматической системѣ и потому съ самаго начала стояло и до настоящаго времени стоитъ чрезвычайно твердо. Второбрачїе священнослужителямъ запрещалось въ церкви всегда, начиная со времени пастырскихъ посланій, кончая церковными постановленіями нашихъ дней, оно запрещалось всюду и во всѣхъ концахъ православнаго міра всѣми церквами на востокъ и западъ, какъ пишетъ папа Иннокентій I, и даже почти у всѣхъ отпавшихъ церквей, сохранившихъ неприкосновеннымъ церковный строй. Оно запрещалось всѣми православными церковными писателями и при томъ въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ. „Лучше погасить солнце, чѣмъ нарушить божественный законъ, сказалъ въ 614 году патріархъ Іерусалимскій св. Іоаннъ Милостивый предлагавшему накормить всю его голодавшую паству за посвященіе въ діаконы второбрачному богачу“. И черезъ тысячу лѣтъ основатель той академіи, гдѣ сейчасъ будетъ происходить защита диссертациі о „Второбрачїи клириковъ“, митрополитъ Кіевскій Петръ Могила писалъ въ своей грамотѣ отъ 3 апрѣля 1633 года въ отвѣтъ на домогательства шляхты, что „если бы и ангель сошелъ съ неба, то и въ такомъ случаѣ онъ вопреки своей совѣсти и правиламъ святыхъ отцовъ не можетъ рукоположить второбрачнаго“.

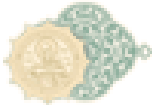
Но какъ и всё возвышенныя положенія христіанскаго ученія, запрещеніе второбрачія священнослужителямъ съ древнѣйшихъ временъ подвергается нападеніямъ. И въ нападеніяхъ этихъ можно замѣтить извѣстную послѣдовательность и связь. Истинному церковному преданію противопоставляется преданіе ложное, еретическое, постепенно накапливающее аргументы и силы и иногда, повидимому, грозящее ниспровергнуть преданіе церковное. Первые слѣды его можно найти у церковныхъ писателей, не смогшихъ вмѣстить возвышеннаго христіанскаго ученія о бракѣ и потому, хотя и защищающихъ запрещеніе второбрачія, но аргументами стоящими въ связи съ ихъ взглядами на бракъ и потому въ сущности, болѣе говорящихъ въ пользу мнѣнія противоположнаго. Это мы видимъ напр. у оскопившаго себя Оригена и подчинившагося его вліянію бл. Иеронима. Несторіане, эти восточные протестанты, ставившіе личный разумъ выше преданія церковнаго, исходя изъ того же ложнаго низменнаго представленія о бракѣ, что и Оригенъ и Иеронимъ, идутъ далѣе, дѣлаютъ противоположныя выводы изъ ихъ посылокъ и отмѣняютъ у себя запрещеніе второбрачія. Если на востокѣ противъ запрещенія второбрачія возстаютъ несторіане, то на западѣ вслѣдствіе целибата запрещеніе это постепенно теряетъ свое практическое значеніе, и папское самовластіе иногда не останавливается передъ его частичной отмѣной, благодаря чему здѣсь укореняется взглядъ на это запрещеніе лишь какъ на церковное дисциплинарное предписаніе, имѣющее не большую степень обязательности, чѣмъ и целибатъ. Этотъ взглядъ усваиваютъ и протестанты и, отвергнувъ целибатъ, они вмѣстѣ съ нимъ опровергаютъ и запрещеніе второбрачія, при чемъ широко пользуются тѣми аргументами, которые за цѣлое тысячелѣтіе до нихъ приготовили протестанты восточные—несторіане, и добавляютъ къ нимъ новыя. Укрѣпившись въ этой позиціи, протестанты по временамъ дѣлаютъ вылазки и въ сторону православной церкви,

стремясь и здѣсь поколебать твердость апостольскаго и общецерковнаго ученія, и достигаютъ нѣкотораго успѣха, когда тому благоприятствуютъ какія либо ненормальныя явленія въ жизни православныхъ помѣстныхъ церквей. Такъ было въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка, когда протестантская волна захвативъ Польшу, докатилась и до юго-западной Руси. Это была эпоха крайняго разстройства здѣсь церковной жизни, когда назначеніе и смѣщеніе священнослужителей зависѣло отъ патроновъ, часто прямо враждебныхъ православію, когда „мнящіеся быть святители были поистинѣ сквернители“, нападавшіе на монастыри съ пушками и пистолетами, виновные въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ, въ поджогахъ, изнасилованіяхъ, убійствахъ, когда тамъ и здѣсь бродили разные авантюристы, подозрительные выходцы изъ грековъ. И вотъ протестантамъ удалось чрезъ посредство мѣстной свѣтской власти поставить митрополитомъ въ Кіевъ человека „вѣры сомнительной“ или вѣрѣе прямо еретика, какъ называютъ его галицко-русскіе дворяне ¹⁾, Онисифора Дѣвочку, который и сталъ демонстративно ставить въ церковныя должности чуть ли не однихъ второбрачныхъ и успѣлъ наставить ихъ цѣлыя тысячи. То же дѣлали и другіе поставленные имъ епископы. Но лишь восточные іерархи и знаменитый основатель здѣшней Академіи стали приводить церковныя дѣла въ порядокъ, каноническая норма была восстановлена во всей своей строгости, и второбрачные священники частью были лишены сана, частью ушли въ унию.

Нѣчто подобное произошло и въ наши дни, когда движеніе въ пользу второбрачія клириковъ охватило нѣсколько православныхъ церквей главнымъ образомъ вслѣдствіе разстройства церковныхъ дѣлъ, вносимаго профессиональными союзами духовенства у южныхъ славянъ, и отчасти и вслѣдствіе нашей недавней смуты. Навѣянная съ запада мысль о воз-

¹⁾ Жалоба отъ 14 февр. 1585 г. 3 Акты З. Р. III, № 146.

возможности отмены запрещенія второбрачія нашла себѣ въ этихъ союзахъ, преслѣдующихъ главнымъ образомъ цѣли классового эгоизма, не только воспріимчивую почву, но и готовую вліятельную организацію для своего проведенія въ жизнь. Эта организація сумѣла подчинить себѣ быть можетъ, слишкомъ гибкія перья нѣкоторыхъ авторитетныхъ канонистовъ, искусно объединившихъ всѣ тѣ аргументы, которые когда либо были высказаны несторіанами и протестантами противъ законности и цѣлесообразности запрещенія второбрачія и католиками противъ его неотмѣняемости. Вліяніе такихъ трудовъ, не находившихъ должнаго противовѣса, было настолько сильно, что за отмену запрещенія высказалось не только все бѣлое духовенство нѣкоторыхъ православныхъ церквей in corpore, но и высшая церковная власть этихъ церквей, напр. св. Синодъ германштадтской румынской церкви. Такимъ образомъ, въ настоящее время православной церкви предстоитъ та же задача отраженія нападеній на этотъ пунктъ ея ученія, что и во времена Петра Могилы. И знаменательно, что высказать свой высокоавторитетный голосъ по этому вопросу и тѣмъ способствовать прекращенію этого внесеннаго отинудѣ въ православную церковь движенія, придется сейчасъ именно той академіи, которая является живымъ продолженіемъ дѣятельности Петра Могилы и въ то же время особенно близка южному славянству. Видя, поэтому, въ сегодняшнемъ своемъ выступленіи на кафедрѣ старѣйшей нашей академіи не простую случайность, диспутантъ опасается лишь одного, чтобы слабость его защиты не бросила нѣкоторой тѣни и на защищаемыя имъ положенія. Диспутантъ, воспитанникъ другой академіи, приноситъ глубочайшую благодарность Императорской Кіевской Духовной Академіи за милостивое согласіе принять его изслѣдованіе на соисканіе степени и прежде всего и въ особенности своимъ глубоко уважаемымъ оппонентамъ и безъ того чрезмѣрно обремененнымъ трудами и всеже любезно привявшимъ на

себя сверхдолжный нелегкій трудъ разсмотрѣть его. Считаю также пріятнымъ долгомъ выразить свою благодарность во-первыхъ профессору Николаю Никаноровичу Глубоковскому, необычайной готовностью котораго помочь всякому въ научной работѣ намъ не разъ приходилось и приходится пользоваться, и профессору, редактору Церковныхъ Вѣдомостей—Михаилу Андреевичу Остроумову, не только давшему намъ внѣшнюю возможность написать эту работу, но и помогавшему намъ своими званіями.

С. Троицкій.